

О. П. СУНИК

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКОВ
ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКОЙ ГРУППЫ

Тунгусо-маньчжурские языки, как и языки монгольские, тюркские, угро-финские, японский, корейский и некоторые другие, принято называть агглютинативными (точнее — суффиксально-агглютинативными). Исследователи тунгусо-маньчжурских языков, говоря об агглютинации в каждом из этих языков, прежде всего имеют в виду суффиксацию.

Эвенский язык, наряду с прочими языками тунгусо-маньчжурской группы, принадлежит к языкам агглютинативным. Как словообразование (образование новых слов), так и словоизменение (изменение основ (? — О. С.) в зависимости от словосочетания, т. е. склонение, спряжение) происходит в нем с помощью как бы приклеивания особых частиц — прилеп. Эти прилепы-приставки в эвенском языке всегда следуют за основой слова, т. е. относятся к разряду суффиксов-подставок¹.

Иногда тунгусо-маньчжуристы говорят об агглютинации, как об основном, или ведущем (следовательно, не единственном), способе словообразования и словоизменения. Но и в этих случаях под агглютинацией понимают присоединение к корню или основе слова различных суффиксов², иначе — постпозитивных по отношению к корню формальных морфем³ и т. п.

Как будет видно из дальнейшего, приведенные формулировки являются недостаточными. Они не учитывают всех типов слова, а также всех грамматических средств (способов) словообразования и словоизменения.

1

О морфологических типах слова

В результате исследования морфологической природы лексики тунгусо-маньчжурских языков устанавливаются три важнейших типа простого («свистетического») слова, внутри которых могут быть отмечены более дробные подтипы.

Первый тип может быть назван суффиксально-продуктивным, или суффицирующим, типом слова⁴:

Эвенк. *сукаэвкэнмузэрэн* (*сука-эвкэн-му-зэ-рэн*): *сука* — корень слова (иногда внешне совпадающий с основой и формой существительного ед.

¹ В. И. Ц и н ц и у с, Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, Л., 1947, стр. 9. То же в более краткой редакции см.: Т. И. П е т р о в а, Очерк грамматики нанайского языка, Л., 1941, стр. 8; Г. М. В а с и л е в и ч, Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1940, стр. 7.

² См. О. А. К о я с т а н т и н о в а и Е. П. Л е б е д е в а, Эвенкийский язык, М.—Л., 1953, стр. 44.

³ В. А. А в р о р и н, Грамматика нанайского языка, ч. I. Автореф. докт. диссерт., Л., 1955, стр. 8.

⁴ В статье приняты следующие сокращения названий языков: эвенк. — эвенкийский, эвен. — эвенский, нан. — нанайский, маньчж. — маньчжурский, улч. — улчский, удэйск. — удэйский, негид. — негидальский.

числа им. падежа) «топор»; *сукэдэ-* производная глагольная основа «ударить топором»; *сукэдэвкэн-* каузативная основа глагола («побудительный залог») «заставить ударить топором»; *сукэдэвкэнму-* оптативная основа глагола («желательный вид») «хотеть заставить ударить топором»; *сукэдэвкэнмузэ-* видовая основа того же глагола («несовершенный вид»); *сукэдэвкэнмузэрэ-* временная основа того же глагола (настоящее несовершенное время); *-н* окончание 3-го лица ед. числа: «он хочет заставить (кого-то) ударить топором».

Эвен. *молавкаччоттан* (*мо-ла-вкач-чот-та-н*): *мо-* именной корень (иногда внешне совпадающий с основой и формой существительного ед. числа им. падежа) «дерево»; *мола-* производная глагольная основа «пойти за дровами»; *молавкач-* каузативная основа глагола («побудительный залог») «заставить кого-либо пойти за дровами»; *молавкаччот-* видовая основа глагола («обычный вид») «обычно заставлять кого-либо пойти за дровами»; *молавкаччотта-* временная основа того же глагола (настоящее время); *-н* окончание 3-го лица ед. числа: «он обычно заставлял (кого-то) пойти за дровами».

Нан. *сэпэкэнсэлмэгуэсси* (*сэпэ-кэн-сэл-мэ-гу-э-си*): *сэпэ-* именной корень слова (иногда внешне совпадающий с основой и формой существительного ед. числа им. падежа) «соболь»; *сэпэкэн-* основа уменьшительной формы существительного единственного числа «соболек» (иногда — производная основа другого имени «детеныш соболя»); *сэпэкэнсэл-* основа формы существительного множественного числа «соболики» (~ «соболята»); *сэпэкэнсэлмэгуэ-* основа формы отчуждаемой принадлежности того же существительного; *сэпэкэнсэлмэгуэ-* форма винительного падежа лично-притяжательного склонения; *-си* лично-притяжательное окончание 2-го лица ед. числа: «тебе принадлежащих соболяков (~ соболят)», «твоих маленьких соболей (~ соболят)».

Маньчж. *тацибукудэ* (*таци-бу-ку-дэ*): *таци-* глагольный корень слова (< **та-ци-*), иногда внешне совпадающий с непроизводной глагольной основой или формой глагола повелительного наклонения 2-го лица ед. числа «учиться»; *тацибу-* каузативная основа глагола, иногда внешне совпадающая с формой повелительного наклонения 2-го лица ед. числа «учить»; *тацибуку-* производная основа отглагольного существительного (имя деятеля), иногда внешне совпадающая с существительным ед. числа им. падежа «учитель»; *-дэ* окончание дательного-местного падежа: «у учителя, учителю».

Количество подобных примеров легко увеличить во много раз. Но и из приведенных примеров должно быть видно, что данный морфологический тип слова составляют многоморфемные слова, состоящие из корня (корневой морфемы) и нескольких суффиксов, последний из которых (наряду с так называемой нулевой формой) является окончанием слова, а все другие вместе с корнем образуют различные типы основы этого слова.

Второй тип — суффиксально-непродуктивный — образуют неизменяемые слова (слова, не имеющие форм реляционного словозменения, но обладающие явными признаками морфологического строения, морфологической членимости). В составе каждого из них выделяется корень и один-два суффикса. Слова эти входят в разряды наречий, прилагательных; к ним относятся также некоторые служебные слова. Многие из этих слов имеют следы былой изменяемости. Таковы, например, окаменевшие формы местных падежей приводимых ниже наречий — в прошлом, возможно, различных падежных форм одного слова (имени), а теперь — разные слова.

Эвепк., эвен., негид. *аваски*, нан. *хаоси*, ульч. *хаваси*, маньчж. *абси* «куда?». Ср. соответственно *эвэски*, *эуски*, *эвэси*, *эбси* «сюда». В словах этого типа при их сопоставлении выделяется прежняя именная основа

ава- ~ хао- ~ хава, эва- ~ зу- ~ эва- ~ эб- и бывшее именное окончание *-ски ~ -си*, восходящее к форманту старого направительного падежа. Ср. еще эвен. *уэски* «ниверх», *ујич* «сверху», *ујла* «вверху», *ујли* «пóверху» и т. п.

Такова же морфологическая структура и многих других наречий места, времени, некоторых наречий качества¹. Такие же явления наблюдаются в структуре отдельных разрядов прилагательного².

Еще более окаменелые остатки бывших суффиксов прослеживаются и некоторых так называемых образных словах (наречиях). Т. И. Петрова, изучавшая указанные слова в нанайском и ульчском языках, выделяет следующие аффиксальные реликты, называя их «словообразовательными суффиксами» образных слов: *-м*, *-мзи*, *-йган*, *-мсаж*, *-риа*, *-рак*, *-п*, *-бар*, *-ла*, *-лма*³. Ср. нан. *қэгзэн* < * *қэ-гзэ-н* «светлый» (прилагательное); *қэм* «светло», *қэмди* «светлее и светлее», *қэп* «очень светло», *қэмсэж* «вмиг светло», *қэрбэр* «сплошь светло» и т. п. Сопоставление этих и подобных слов позволяет выделить в них этимологический корень (прежнюю основу?) **қэ-* и соответствующие непродуктивные аффиксы (окончания?), многие из которых в плане этимологическом членимы: **-м-са-ж*, **-м-ди*, **-ра-ж* и т. п. В современном же нанайском языке слова этого типа представляют собой изолированные окаменевшие образования, не участвующие в живых процессах аффиксального образования и изменения слов.

В рассматриваемый морфологический тип слов должны быть включены и все продуктивные типы имен прилагательных, а также наречий, образуемых от именных и глагольных корней или основ посредством особых суффиксов. Так, в ряде языков от именного корня *мб-* («деревое») посредством суффикса *-ма* образуется относительное прилагательное: нан. *мбма* «деревянный». Ср. *сэлэмэ* «железный», *аңгома* «искусственный, сделанный» и пр.

От корней качественных прилагательных посредством суффикса *-зи ~ -т ~ -ч* образованы качественные наречия: нан. *улэмзи* «хорошо», *масизи* «крепко», *ајази* «ладно» и т. п. В плане историческом наречия эти восходят к падежной форме имени (творительный-инструментальный падеж), впоследствии изолировавшейся и ставшей неизменяемой. Что касается тунгусо-маньчжурских прилагательных, то, говоря строго, они тоже неизменяемы, так как их изменения (например, склонение) влечет за собой субстантивацию прилагательного и превращение его в существительное. Но в нанайском и ульчском языках некоторые качественные прилагательные могут иметь словоизменительные формы. В функции предиката к их основам присоединяются лично-предикативные окончания: *улэн* «хороший», *улэм-би* «я хороший», *улэн-си* «ты хороший», *улэ(н)-ни* «он хороший» и т. п. В этом случае они относятся к первому морфологическому типу слова.

Качественные прилагательные и качественные наречия тунгусо-маньчжурских языков имеют аффиксальные формы субъектной оценки и формы, выражающие степень проявления качественного признака. Но формы эти являются не словоизменительными (реляционными), а формообразующими (деригационными).

Т р е т ь и й т и п — несуффицирующий, или «корневой», состав-

¹ См. Е. П. Лебедева, Наречия места в эвенкийском языке, М.—Л., 1936, где приведены параллели из других тунгусо-маньчжурских языков и указана литература вопроса.

² Ср. В. И. Ципциус, указ. соч., стр. 108.

³ Т. И. Петрова, Образные слова, служащие для передачи световых и цветовых впечатлений в нанайском языке, «Уч. зап. [Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена]», т. 101—Факт-вародов Севера, Л., 1954, стр. 116—118.

ляют относительно немногочисленные, но весьма употребительные слова, не обладающие ни признаком морфологической членности, ни признаком изменяемости. По своим общеграмматическим («категориальным») значениям и функциям они относятся к отдельным разрядам наречий, местоимений, служебных слов, а также к междометиям: эвенк., эвен. *н'ам*, удэйск. *н'а* «еще», «опять», нан., ульч. *гучи* «еще», эвенк., эвен. *он* ~ *они*, нан., ульч. *хони* ~ *хон'* ~ *хон'* «как?», эвенк. *туги*, нан. *ту*, удэйск. *ту*, негид. *тй* «так», нан., ульч. *чу*, *тэр* «очень», «весьма», маньчж. *нэ* «ныне, теперь», нан. *нэ* «непрерывно», *хэм*, *чуңну* «весь», «всё», *ма* «на!», *гэ* ~ *кэ* «ну!» и проч.

Значительную в количественном отношении группу слов данного (третьего) типа составляют некоторые виды так называемых образных слов (наречий), например: нан. *баң* «временно», *суп* «сплошь», *лаң* «вплотную», *пос* «насквозь», *сар* «врассыпную» и т. п. К данному морфологическому типу относятся и такие слова, как нан. *эм* «один», «некий», *ман'а* «только», *тэни* «только что» и т. п.

Выделенные здесь в особые (второй и третий) типы слова подробно описаны во всех упомянутых грамматических очерках отдельных тунгусо-маньчжурских языков. Однако при общей характеристике морфологического строя этих языков слова данных типов в расчет как бы не приняты.

Итак, распространенные в опубликованной литературе взгляды на морфологическую природу слова в тунгусо-маньчжурских языках следует признать односторонними. В значительных оговорках нуждается и общепризнанная среди специалистов «наиболее полная морфологическая модель» тунгусо-маньчжурского слова: корень + основообразующие суффиксы + словоизменяемые суффиксы + суффиксальные частицы и т. п. Необходим учет всего многообразия морфологических типов (и соответственно — «моделей») слова тунгусо-маньчжурских языков. Только при этом условии может быть дана всесторонняя типологическая характеристика грамматического строя этих языков.

2

Грамматические способы образования и изменения слова

Выше упоминалось, что отдельные исследователи тунгусо-маньчжурских языков, определяя морфологический тип данных языков как суффиксально-агглютинативный, признают агглютинацию (говоря точнее — суффиксацию) главным, но не единственным средством образования и изменения слов в этих языках. Наиболее полный перечень такого рода средств применительно к структуре нанайского языка дал В. А. Аврорин: «В нанайском языке применяются следующие (в порядке их важности) способы выражения грамматических значений слов: употребление формальных морфем, употребление суффиксальных частиц, употребление служебных слов, удвоение основ, интонация, чередование звуков в корне»¹.

Перечень этот, как будет видно из дальнейшего, требует существенных уточнений.

Прежде всего необходимо заметить, что перечисленные способы (или средства) употребляются не только и не всегда для выражения грам-

¹ В. А. Аврорин, указ. соч., стр. 8. Ср. О. А. Константинова и Е. П. Лебедева, указ. соч., стр. 40 (Способы выражения грамматических значений слова: а) суффиксы, б) служебные слова, в) вспомогательные глаголы, г) интонация, д) порядок слов в предложении), стр. 45 («Кроме агглютинативного способа образования и изменения слов, в эвенкийском языке словообразование может происходить путем чередования гласных звуков в слове»).

м а т и ч е с к и х значений слова. Одни из них, например употребление формальных морфем (т. е. суффиксов), используются как в целях словопроизводства (выражение производных лексических значений), так и в целях словоизменения (выражение частных грамматических значений слова); другие, например чередование фонем в корне, — только для словопроизводства. Третьи, например употребление служебных слов, — для выражения синтаксических связей между знаменательными словами или словосочетаниями, для образования аналитических форм слова, а также для особого выделения лексических значений знаменательных слов и т. п.

В число рассматриваемых средств (или способов) входят разнородные лингвистические явления — фонетические (чередование фонем), морфологические (суффиксация) и синтаксические (порядок слов, служебные слова). Но поскольку все они выступают как определенные факты грамматического строя языка и исследуются в грамматике, их следует, по-видимому, называть, как это и принято в ряде лингвистических работ, грамматическими способами образования слов, грамматическими способами изменения, сочетания слов и т. п.

Более полный перечень грамматических способов, употребляемых в тунгусо-маньчжурских языках, может быть представлен в следующем виде: 1) суффиксация: а) агглютинативная («склеивающая», «сополагающая»); б) фузионная, или флективная («сплавляющая»); 2) чередование фонем в основе слова; 3) супплетивизм; 4) редупликация; 5) интонация; 6) порядок слов; 7) служебные слова.

Способы эти применяются не изолированно, в одиночку, а комбинированно, во взаимодействии. Часть из них образует синтетические формы, другая часть — преимущественно формы аналитические¹.

Что касается двух последних способов — порядка слов и слов служебных, — то они неоднократно и достаточно подробно освещались в грамматических работах по отдельным тунгусо-маньчжурским языкам.

Служебные слова, противопоставляемые знаменательным, делятся на 1) собственно служебные и 2) слова, употребляемые иногда в роли служебных, но не утратившие своих конкретно-лексических значений и выступающие в других случаях как знаменательные. К первым относятся послелоги, союзные слова, слова-частицы. Ко вторым — некоторые существительные с локативным значением, выступающие часто в роли послелогов, некоторые глаголы, выступающие часто в роли вспомогательных глаголов и связок.

Способ служебных слов, являясь как бы контрастирующей противоположностью способа суффиксации, должен по своему весу считаться не последним, а по крайней мере вторым в общем ряду всех грамматических способов, употребляемых тунгусо-маньчжурскими языками. Подобно тому, как со способом суффиксации связаны синтетические формы, так со способом служебных слов связаны аналитические формы данных языков. Способы эти не только «контрастируют», но и взаимодействуют, дополняя друг друга и образуя так называемые аналитико-синтетические формы, ибо обычно каждый из компонентов аналитического сочетания имеет свое суффиксальное (т. е. синтетическое) оформление.

Способ суффиксации и способ служебных слов связаны не только

¹ Словесное ударение не выступает в тунгусо-маньчжурских языках в качестве одного из возможных грамматических способов, так как оно является не свободным, а связанным. В этих языках не используется и способ словосложения, хотя в историческом прошлом он несомненно выступал как один из важнейших способов образования сложных слов, которые в современных языках развились в синтетические формы, образованные по способу суффиксации. В этом же направлении развиваются и некоторые непродуктивные сложные слова современных языков.

исторически (многие суффиксы восходят к служебным словам), но и синхронно: в современных языках богато представлены энклитические частицы — так называемые суффиксальные частицы (или частицы-суффиксы), которые часто лишь по форме отличаются от слов-частиц. Некоторые из суффиксальных частиц прочно срослись с соответствующими словами (знаменательными или служебными), став их органической принадлежностью, выражающей определенную форму слова. Большинство же энклитических частиц (вопросительных, усилительных, соединительных и т. п.), хотя и входят в единый звуковой комплекс, образующий слово (его соответствующую форму), органической частью этого слова не являются (подобно русск. *ли, же, то, бы* и т. п.).

Употребление суффиксальных частиц не может быть, следовательно, включено в общий перечень грамматических способов, наряду с суффиксацией, служебными словами и т. д. По значению и функциям многие энклитики близки некоторым разрядам служебных слов (особенно — словам-частицам). По своей же форме и типу соединения со словом они не отличаются от суффиксов и относятся поэтому к способу суффиксации — агглютинативной (в подавляющем большинстве случаев) или фузионной (отдельные случаи).

Тунгусо-маньчжурские языки обладают относительно твердым, фиксированным порядком слов-членов словосочетаний и предложений. Общее правило гласит: зависимые члены предшествуют членам, от которых они зависят — определение предшествует определяемому, дополнение — дополняемому, обстоятельство — слову, от которого оно зависит, подлежащее предшествует сказуемому (хотя и не может считаться зависимым). Возможные нарушения этого правила выступают как инверсия, обособления, пропуски, т. е. имеют свое особое значение и назначение.

Способ порядка слов используется как дополнительное (а иногда и основное) средство выражения синтаксических функций слова. Ср. нан. *улэн нај* «хороший человек», *нај улэн* «человек хороший» и т. п.

Но в ряде случаев порядок следования слов (членов словосочетания) может определять и лексические значения, а также общеграмматические значения слов (как частей речи). Ср., например, нан. *улэн холај(ни)* — *улэнзи холај(ни)* «хорошо читает», «хорошо читающий (он)». При «обратном» порядке членов — *холајни улэн* «чтение (его) хорошо (хорошее)» — меняются не только синтаксические значения (функции) слов (членов сочетания), но и их лексические значения: *улэн* в первом сочетании — обстоятельство, выраженное качественным наречием «хорошо». Его эквивалентом является производное качественное наречие *улэнзи* (по происхождению — изолированная форма творительного падежа *улэнзи*); *улэн* во втором сочетании — сказуемое, выраженное качественным прилагательным «хороший, -ая, -ее» (заменить его наречием *улэнзи* нельзя); *холајни* — в первом случае — сказуемое, выраженное лично-предикативной формой причастия (окончание 3-го лица ед. числа -ни является факультативным, необязательным); *холајни* — во втором случае — подлежащее, выраженное субстантивированной формой причастия (имени действия) и форме именительного падежа (нулевой показатель) лично-притяжательного склонения (-ни притяжательное окончание 3-го лица ед. числа). Окончание -ни может быть заменено во втором случае притяжательными окончаниями других лиц и чисел, но совершенно отсутствовать не может, так как это привело бы к изменению значения конструкции. Теоретически возможное *холај улэн* скорее всего могло бы быть понято как инверсированная форма *улэн холај* «хорошо читает», «читает хорошо».

Как видно из приведенного примера (число их может быть во много раз увеличено), мы сталкиваемся здесь не только с грамматическим спо-

собом порядка слов, взаимодействующего с суффиксацией и интонацией, но и с тем, что в германистике иногда называют к о н в е р с и е й — особым видом словопроизводства¹.

В ведущем грамматическом способе словообразования тунгусо-маньчжурских языков — способе суффиксации (иногда он неправильно именуется «способом агглютинации») давно уже отмечены две разновидности соединения суффиксов друг с другом и с корнями слов. Одна из этих разновидностей характеризуется простым соложением морфем, другая — сплавлением (или «фузией»). Первую мы обозначали выше термином «агглютинативная суффиксация», вторую — «фузионная, или флективная, суффиксация». И та и другая встречаются во всех языках группы, в одном и том же слове или разных словах.

В дополнение к примерам суффиксации, приведенным ранее для характеристики морфологических типов слова, приведем здесь следующие: нан. *индакансалбани* «его собачек». Морфологический состав этого слова ясен, границы каждой морфемы могут быть четко установлены, а значения морфем строго определены: *инда*-первичная именная основа («собака»), *-кан*-суффикс уменьшительности, *-сал*-суффикс мн. числа, *-ба*-суффикс вин. падежа, *-ни* притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа субъекта владения (обладателя).

Так выглядит в тунгусо-маньчжурских языках агглютинативная суффиксация в се, так сказать, чистой, идеальной форме.

Но в тех же языках не менее часты и такие, например, случаи: нан. *орока(н)салдоари* «своим домашним оленчикам», где *оро-* («домашний олень») первичная именная основа с усеченным *-н* (*оро* < *орон-*), *-кан*-суффикс уменьшительности, *-сал*-суффикс множественного числа, *-до*-или *-доа*-суффикс дательного-местного падежа, *-ари* или *-ри* безлично-притяжательный суффикс множественного числа субъекта владения (обладателя). Не все границы морфем в подобного рода образованиях одинаково ясны. По-эвенкийски «своим домашним оленчикам» — *орокордувар*, где *оро-* («домашний олень») первичная именная основа с усеченным *-н* (*оро* / *орон-*); *-ко*-суффикс уменьшительности с усеченным *-н* (*-ко* / *-кон-*) и «заменимым» *-р*, выступающим здесь в качестве показателя множественного числа; *-ду*-суффикс дательного-местного падежа; *-вар* безлично-притяжательный суффикс множественного числа субъекта владения (обладателя).

Еще менее агглютинативна в подобных случаях суффиксация в эвенском языке. «Своим домашним маленьким оленям (олешкам)» по-эвенски — *оркакардур*. Для того, чтобы расчленить это слово на составляющие его морфемы, приходится произвести «как бы фонетическую реконструкцию этих частей»²; *ор-ка-ка-р-д-ур* (или *ор-ка-ка-р-ду-р*) реконструируется как **орон-кан-кан-р-ду-вур*, т. е. первичная именная основа *ор-* < *орон-* («олень»), удвоенный суффикс уменьшительности *-ка-ка* < *-кан-кан*, *-р* показатель множественного числа, чередующийся с конечным *-н* суффикса уменьшительности, суффикс дательного-местного падежа *-д-* (или *-ду*), безлично-притяжательный суффикс *-р* (или *-ур*) < *-вур*.

Подобные случаи (а они наблюдаются и в ряде глагольных форм эвенского языка), как пишет в указанной работе В. И. Цинциус, «скорее напоминают формы флексии, чем агглютинации». Поскольку, однако, эти явления могут и должны рассматриваться в аспекте суффиксации, их следует, на наш взгляд, определить как особую разновидность суффиксации —

¹ А. И. СмирничкиЙ, Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке, «Иж. яз. в шк.», 1953, № 5

² В. И. Цинциус, указ. соч., стр. 11

суффиксации флективной, или фузионной, противопоставляемой суффиксации агглютинативной¹.

Флексия в тесном смысле слова (чередование фонем) также занимает свое особое место в ряде изученных тунгусо-маньчжурских языков.

Случаи использования фонематических чередований (альтернатив) в лексико-семантических или грамматических целях в современных тунгусо-маньчжурских языках относительно немногочисленны. Все они, по-видимому, возникли на почве предшествовавшей им суффиксации (начала агглютинативной, а затем фузионной).

Нан. *энэ-* непроизводная глагольная основа («уйти», «отправиться»), *эну-* («прийти», «вернуться»). Чередование *э/у* (*энэ-/эну-*) возникло в результате фонетических изменений, произошедших с производной (вторичной) глагольной основой *энэ-гу-* [*-гу-/го-* основообразующий глагольный суффикс повторности действия: *бу-* («дать»), *бугу-* («отдать») и т. п.]. Нан. *энэгу- > энэу- > эну-* в сопоставлении с *энэ-* и образует пару глагольных основ, различающихся противопоставлением конечных гласных основы. Ср. эвенк. *чэнэ-* («идти»), *чэну-* («возвращаться»), *ана-* («толкнуть»), *ану-* («выталкивать»), *нода-* («бросить»), *ноду-* («бросать») и т. п.²

Такое же явление наблюдается в парах глагольных основ нан., эвенк. *зэгдэ-* («гореть»), *зэгди-* («жечь»), *дабда-* («проиграть, быть побежденным»), *дабзи-* («выиграть, победить»), нан. *холго-*, эвенк. *олга-* («высохнуть»), нан. *холги-*, эвенк. *олги-* («высушить») и некоторых других.

Фонематическое чередование конечных гласных основы *э/и, а/и, о/и* разъясняются как *зэгдэ-ги- > зэгдэи- > зэгди-*. Основообразующий каузативный суффикс *-ги-/и-* известен по материалам эвенкийского и эвенского языков³.

Что касается фонематических чередований в именных основах, то они связаны в некоторых языках с выражением грамматического числа. Чередуются конечные согласные основы *н/р, н/л*: эвенк., эвен. *орон-* «домашний олень», *орор-* «домашние олени», негид. *ојон-* «домашний олень», *ојол-* «домашние олени». В нанайском подобные чередования отмечаются в некоторых суффиксах причастия: *энэ-хэн* «ушедший», *энэ-хэл* «ушедшие, ушли» и т. п.

По-видимому, и эти чередования имеют под собой суффиксальную почву. Собственно, и в современных языках они могут быть истолкованы как суффиксальные, но связанные с морфологическим переразложением (а б с о р б ц и е й) основы. Противопоставление пар типа *орон* «олень», *орор* «олени» ведет к выделению, с одной стороны, «новой» основы *оро-*, а с другой — «новых» суффиксов *-н-* (показатель ед. числа), *-р-* (показатель мн. числа), хотя общей тунгусо-маньчжурской нормой выражения грамматического числа существительных остается противопоставление суффиксов множественного числа нулевой форме единственного (способ суффиксации).

При обсуждении вопроса о внутренней флексии в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках (а вопрос этот, как известно, весьма не новый) обычно рассматриваются такие пары существительных, как

¹ Из сказанного должно быть ясно, что «сущность» агглютинации в тунгусо-маньчжурских языках (да и не только в них) «сводится» к одному из двух способов соединения морфем слова, а именно к способу соположения («склеивания») корня с суффиксом и одного суффикса с другим. Называть же какой бы то ни было способ соединения морфем «способом выражения грамматических значений» нет никаких оснований.

² О. А. Константинова и Е. П. Лебедева, указ. соч., стр. 45.

³ Г. М. Васильевич, указ. соч., стр. 93; В. И. Цинциус, указ. соч., стр. 175.

маньчж. *хаха* «мужчина», *хэхэ* «женщина», *ама* «отец», *эмэ* «мать», нан. *ага* «старший брат», *ага* «старшая сестра», эвенк. *атиркан* «старуха», *этиркэн* «старик» и т. п. Сюда же иногда относят и такие пары, как эвенк. *би* «я», *бу* «мы»; *си* «ты», *су* «вы» и т. п. Сюда же можно было бы отнести и некоторые глагольные основы типа нан. *ана-* «уйти», *ама-* «толкнуть», маньчж. *вэси-* «подниматься», *ваги-* «спускаться», некоторые прилагательные типа нан. *сэгзэн* «красный», *согзон* «желтый», *сугзун* «рыжий», некоторые наречия типа эвенк. *аваски* «куда?», *эвэски* «сюда», маньчж. *абси* «куда?», *эбси* «сюда» и т. д. и т. п.

Приведенные факты несомненно требуют специального сравнительно-исторического изучения. Весьма возможно, что такое их изучение выявит древнейшие пути и формы развития словарного состава посредством, в частности, архаических форм флексии — постепенной фонематизации прежних звуковых вариантов, входивших в состав более емких звуковых типов. Однако в современных тунгусо-маньчжурских языках звуковые противопоставления в словах типа *ама* «отец», *эмэ* «мать», *би* «я», *бу* «мы» и т. п. не могут быть признаны актуальными, т. е. выступающими в качестве живых, действующих способов образования или изменения слова. Явления эти также далеки от внутренней флексии, как, например, русск. *т'ат'а*—*т'от'а*, *мы*—*вк* и т. п.

К способу флексии примыкает тесно связанный с нею способ супплетивизма. Способ этот, так же как и внутренняя флексия, плохо согласуется с традиционными представлениями о чистой, классической агглютинации. Сказанное выше об особенностях суффиксации и явлениях флексии в тунгусо-маньчжурских языках способно, как кажется, объяснить не только принципиальную возможность супплетивизма, но и некоторые черты его своеобразия в этих агглютинативных по преимуществу языках.

Супплетивных рядов типа общеизвестного лат. *fero, tuli, latum, ferre* «нести», а также типа русск. *есть, быть*; *хорошо, лучше*; *много, больше* и т. п. в тунгусо-маньчжурских языках действительно нет. Но такие супплетивы, как, например, нан. *эму*¹ «один», *боңго*, *зулуј* «первый», «передовой», *нај* «человек», *гуру*¹ «люди, народ» (ср. *најсал* «люди», *гурунсэл* «народы»), *пиктэ* «дети», *пурил* «дети» и т. п. в тунгусо-маньчжурских языках встречаются. Более часто встречаются супплетивы, возникшие на фонетической почве путем значительных звуковых, а затем и некоторых морфологических модификаций некогда единообразного («правильного») ряда суффиксальных форм изменяемого слова.

Такого рода супплетивы образуют некоторые местоимения, термины родства и свойства. К последним, в частности, относится и упомянутое выше нан. *пиктэ* «дети» — *пурил* «дети». Ср. эвенк. *хутэ* «дети»—*хуриал* «дети» (~нан. *пурил*), где корень **ху-* и полуомертвевшие суффиксы: **-тэ-* (~нан. *-ктэ*) суффикс собирательности; *-рил* (<**ри-л*) особая форма мн. числа.

Таковы же по своему происхождению некоторые нерегулярные формы так называемых неправильных глаголов, выступающих часто в роли служебных. Ср. маньчж. *би*—*биси* (<*би-си*-) «быть», *о*—*озо* «становиться, делаться», нан. *о*—*очо*—*ози*—*оси*—*ода* «становиться, делаться» и некоторые другие.

Личные местоимения первых двух лиц, например эвенк. *би* «я», *бу* «мы», *си* «ты», *су* «вы», имеют соответственно вторые, «склоняемые» основы: *би/мин-*, *бу/бун-*, *си/син-*, *су/сун-*¹.

¹ Данные по другим языкам см. А. Ф. Бойцов, Категория лица в эвенкийском языке, Л.—М., 1940, стр. 20 и сл.

Указательные местоимения эвенк. *тар(и)*, маньчж. *тэрэ*, нан. *тэј* «тот, та, то», соответственно *эр(и)*, *эрэ*, *эј* «этот, эта, это», наряду с «правильными» формами некоторых косвенных падежей (первая основа + пад. окончание) имеют «неправильные» формы, образуемые от вторых основ: эвенк. *тар(и)-/та-*, маньчж. *тэрэ-/тэ-*, нан. *тэј-/ча-*; соответственно *эр(и)-/э-*, *эрэ-/э-*, *эј-/н'э-/зэ-*. С этим связаны процессы онаречивания некоторых форм косвенных падежей указательных местоимений и переход их в наречия места ¹.

Супплетивизм терминов родства и свойства переплетается с другими особенностями их морфологии (особые формы мн. числа, особенности форм склонения). Нан. *ама* «отец»/*амин-* основа форм притяжательного склонения. Ср. также *эн'э/энин-* «мать», *ага/аг-~ан-* «старший брат» и проч. Эвенк. *амин* «отец»/*амтил (ам-тил)* «отцы», *энин* «мать»/*энтил (эн-тил)* «матери», *акин* «старший брат»/*акнил (ак-нил)* «старшие братья», *хунат* «девушка»/*хунил (ху-нил)* «девушки» и некоторые другие. Ср. также эвенк. *эди* «муж»/*эдэл (эдэ-л)* «мужья», *аси* «жена»/*асал (аса-л)* «жены», *н'ами* «самка»/*намасал (нама-сал)* «самки» ².

Из этих примеров, а также из многих других, приведенных частично выше, должно быть видно, что широко распространенный в алтаистической литературе тезис о «неизменности» основы (при наращивании суффиксов) в агглютинативных языках данными тунгусо-маньчжурских языков не может быть доказан.

Грамматический способ редупликации — удвоения слова, а также парного употребления двух слов отмечен в литературе по маньчжурскому, нанайскому, ульчскому и некоторым другим языкам.

В маньчжурском удвоение некоторых существительных служит средством выражения грамматического числа: *залан* «век», «поколение», *залан-залан* «поколения». Такую же роль играет повторение слов-синонимов: *бајта-сита* «дела», *улла-узима* «животные». Ср. также «биномы»: *ахун-дэо* «братья» («старший брат и младший брат»), *ама-эмэ* «родители» («отец и мать»). Удвоение некоторых имен (второе из них получает наречную форму родительного-инструментального падежа) образует особую форму наречий: *г'ан-г'ани* «воистину», *улхен-улхени* «постепенно», *дахун-дахуни* «бесперывно» и т. п. ³. В этих случаях повторы (удвоение) выражают степень проявления обстоятельственного признака, его усиление.

Большую группу слов, для которых редупликация особенно характерна, составляют маньчжурские междометия и звукоподражания. Одни из них всегда имеют удвоенную или парную форму: *гуј-гуј*, *вэр-вэр* (междометие для зова людей и животных), *кан-кэн* (кашель), *кака-кики* (смех), *хэј-хэј* (плач, стон) и т. п. Другие употребляются как в удвоенном виде, так и без удвоения. Противопоставление этих форм выражает степень проявления, частоту (однократность или повторяемость) признака, выражаемого этими словами в сочетании с формами служебного глагола *сэмби* «говорить, делать»: *тук сэмэ* «стуча», *тук-тук сэмэ* «стуча (усиленно, многократно)» и т. п. ⁴.

Таковы же в основном особенности редупликации в нанайском и ульчском языках. И в этих языках удвоение слов и их парные сочетания свойственны словам, входящим в некоторые разряды наречий, междометий, звукоподражаний, частиц. Одни из них всегда редуплицированы, другие

¹ Е. П. Лебедева, указ. соч., стр. 53 и сл.

² Г. М. Васильевич, указ. соч., стр. 32.

³ И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879, стр. 123—124, 309; его же, Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875.

⁴ И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, стр. 320.

могут иметь как нередуцированную, так и редуцированную форму. Грамматическая роль редупликации в отношении так называемых образных слов (наречий, междометий, звукоподражаний), а также частиц определяется как средство выражения множественности, многократности, повторяемости соответствующего признака, или как средство его усиления¹. Путем редупликации образуются некоторые качественные наречия: нан. *элкэ-элкэ* «тихо-тихо», «потихоньку», *н'аңга-н'аңга* «мало-мало», «немножко». Редупликация свойственна некоторым местоимениям: нан. *уј-ну*, *уј-ну* «кто-то», *хај-ну*, *хај-ну* «что-то», *манэ-манэ* «каждый сам по себе» (*манэ* «сам»). Примерами парных слов могут служить нан. *а-нэу* «братья» (ср. маньчж. *азун-дэо* «братья»), *эуси-таоси* «туда-сюда», *эвенки-таоси* «отсюда-туда» («вперед, в дальнейшем, в будущем»), *эјэ-таја* «эта сторона (и) та сторона» и некоторые другие.

Рассматривая способ редупликации в плане синхроническом, важно подчеркнуть, что редуплицируются именно слова, а не основы слов. В плане же историческом на базе редупликации слов, по-видимому, образовались некоторые ныне непроизводные редуцированные основы, а также нерасторжимые лексикализованные сращения. Примером первых могут служить отдельные глагольные основы типа нан. *туту-* «бегать», *тата* «дергать», «тянуть», именн. основы типа маньчж. *хаха-* «мужчина», *хэхэ-* «женщина» и некоторые другие. Примерами вторых могут служить все слова, имеющие только редуцированную форму: нан. *тул-тул* «постоянно, часто», *тах-тах* (понукание собак, «но!») и т. п.

Вопросы интонации тунгусо-маньчжурских языков не были предметом специального изучения. Но роль интонации как одного из важных грамматических способов в этих языках отмечалась отдельными исследователями.

Интонационно-фонетические средства, часто (но не всегда) дополняемые средствами собственно-морфологическими (суффиксы, частицы), и служат четкими критериями установления границ отдельного слова (в той или иной его грамматической форме). Они же помогают нам отличить целое слово от таких его частей, как корень, слог, основа, суффикс и т. п.²

Только полное игнорирование интонационно-фонетических признаков законченного слова, совершенно четко отличающих его от той или иной части этого слова, позволяло и все еще позволяет некоторым исследователям тунгусо-маньчжурских языков говорить о «материальном совпадении» целого слова и таких его частей, как корень или основа³. В действительности же, в реальной речи, ни одна из частей, ни один из отрезков слова в тунгусо-маньчжурских языках (как очевидно и в других языках) интонацией законченного слова не обладает и обладать не может, так как в качестве отдельной, самостоятельной и законченной лексической единицы никогда в речи не употребляется⁴.

¹ В. А. Аврорин, *уцаз. соч.*, стр. 30; Т. И. Петрова, *Образные слова, служащие для передачи световых и цветовых впечатлений*. . . , стр. 118.

² Ср. В. А. Аврорин, *Основы правила произношения и правописания нанайского языка*, Л., 1957, стр. 106—107 («Отдельное слово. . . выделяется не только своим значением, но только морфологической структурой, но и чисто фонетическими признаками. . . По этим признакам любое нанайское слово можно отличить от любой части слова. . . »).

³ Ср. В. А. Аврорин, *Грамматика нанайского языка*, ч. I, стр. 8 [«Обязательной частью (слова. — О. С.) является только корень. Он может материально совпасть не только с непроизводной основой, но и с законченным (корневым) словом»].

⁴ Еще О. Бетлинг, выделявший в якутском языке так называемый *Casus indefinitus* — падеж без «особого окончания» («голую именную основу») писал, что об употреблении основы как таковой в предложении не может быть речи (см. O. B ö h t l i n g k. *Über die Sprache der Jakuten*, СПб., 1848, стр. 255).

Как сказано выше, во всех тунгусо-маньчжурских языках выделяется довольно многочисленная группа неизменяемых слов, не обладающих признаком морфологического строения. Пользуясь кавычками, мы называли такого рода слова «корневыми». Все они обладают той или иной интонацией законченного, отдельного слова. Поэтому они и называются словами, а не корнями или основами слов. Нельзя, однако, упускать из виду, что в плане синхроническом в этих словах невозможно выделить ни корня слова, ни аффикса. К ним не приложимы также понятия основы и окончания. Термин «корневое слово» содержит вообще много условного. Но некоторые из наших «корневых» слов, включаясь в сферу суффиксальных морфологических процессов, могут стать корнями или производными (первичными) основами других слов. Маньчж. *тук* (звукоподражание) — «корневое» слово, обладающее интонацией отдельного, законченного слова; *тукси* — производная глагольная основа («стучать»). Здесь *тук* — является корнем, *-си-* — основообразующим глагольным суффиксом. В этой основе ни корень *тук-*, ни суффикс *-си-*, равно как и образуемая ими основа *тукси-* интонацией законченного слова не обладают. Придав этой основе одну из разновидностей интонации законченного слова, а именно, интонацию побудительную, мы получим слово — одну из реальных форм маньчжурского глагола: *тукси!* «стучи!», «колотись», «трепещи» — положительная форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа.

На этом простейшем примере может быть раскрыта двоякая роль способа интонации: этот способ используется, во-первых, для словопроизводства [превращения] части слова (основы) в целое слово; во-вторых, посредством того же способа образуется грамматическая форма слова, в нашем примере — одна из форм повелительного наклонения глагола, выступающая всегда в функции сказуемого.

Конечно, в современных тунгусо-маньчжурских языках далеко не всегда и далеко не от каждой основы посредством одной только «интонации» образуются те или иные законченные слова. Подавляющее большинство слов, кроме свойственной им интонационно-фонетической законченности, имеют еще и суффиксальные формы окончания, свидетельствующие не только о законченности этих слов, но и об их определенных синтаксических функциях, частных и общих грамматических значениях.

Изучение типов основы и окончания слова в тунгусо-маньчжурских языках — сложная и очень запутанная в нашей литературе тема. Она требует особого изучения¹.

Традиционные представления о морфологических типах языков, в частности о языках агглютинативных, давно уже требуют пересмотра и более углубленной разработки на основе достижений современного общего языкознания. Нужна выработка общих принципов типологического изучения языков, их морфологической классификации — принципов, отвечающих требованиям современного уровня науки о языке.

Типологическая характеристика тунгусо-маньчжурских и ряда других алтайских языков, согласно которой они именуется агглютинативными, не должна заслонять все существенные черты морфологической структуры этих языков.

¹ См. О. П. Суник, О типах основ и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках, «Советское востоковедение», 1957, № 6.